

На правах рукописи

Банах-Маникина Анна Викторовна

**ТЕМА «СЛУЧАЙНОГО СЕМЕЙСТВА»
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В США**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы филологического факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Новикова Елена Георгиевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор Кафанова Ольга Бодовна
кандидат филологических наук, доцент Кошечко Анастасия Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Иркутский государственный педагогический университет»

Защита диссертации состоится «22» декабря 2006 г. в _____ ч на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан « 15 » ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических
наук, профессор

Л. Захарова

Л. А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена обострившимся интересом современного литературоведения к проблеме диалога культур, вопросам компаративистики и рецептивной эстетики, новыми методологическими подходами к изучению творчества Ф.М. Достоевского.

Актуальность темы диссертации определяется также вниманием современной науки к проблеме семьи, которая становится предметом собственно литературоведческого и междисциплинарного исследования и осознается как тема, созвучная современности. В контексте этого интереса Достоевский предстает автором одной из самых глубоких и многосторонних концепций семьи. Главным открытием Достоевского на пути художественного воплощения темы семьи становятся формулировка, описание, типологизация «случайного семейства», тематика и проблематика которого получила итоговое художественное воплощение в последнем романе писателя.

Анализ этапов осмыслиения романа Достоевского «Братья Карамазовы» позволяет сделать вывод о приоритетности семейного подхода в рецепции романа. Критика 1880-х гг. исследовала проблемы семьи и наследственности в сравнительно-типологическом аспекте (Е. Марков, М.Е. Салтыков-Щедрин), анализировала «случайное семейство» как симптом вызревания новых конструктивных общественных сил (А. Коялович). В XX в. исследователями различных школ и направлений были сделаны перспективные наблюдения, касающиеся структуры, функций, этического и психологического содержания понятия «случайное семейство» (Вяч. Иванов, К.В. Мочульский, А.И. Белецкий, Л.М. Розенблум, Е.И. Семенов, Н.Д. Тамарченко, Г.С. Померанц, Ю.Г. Кудрявцев, В.С. Пушкарева, И.Ю. Павлова, О.Ю. Юрьева, Г.К. Щенников, С.С. Шаулов, В. Голштейн, С. Фуссо, Л. Нэпп и др.).

И все же можно говорить о недостаточной степени изученности темы «случайного семейства» как структурно-образного единства устойчивых элементов. До сих пор малоисследованными остаются вопросы функционирования понятия «случайное семейство» в текстах романов Достоевского, вопросы динамики его художественного воплощения от более ранних произведений к итоговому роману.

Роман «Братья Карамазовы» является наиболее репрезентативным в аспекте семейной проблематики в рецепции его на Западе и в США. Ряд исследователей отмечают чрезвычайную активность восприятия «Братьев Карамазовых» в зарубежной литературе и критике (Х. Мачник, А.Н. Николюкин, Г. Феллс). Отдельные авторы (Г. Феллс, А. Мальро) связывают этот интерес с семейным вектором влияния итогового романа Достоевского на западную литературу, проявившегося «в смене старого семейного романа тролlopовского типа на новый, реализовавшийся в романе “Братья Карамазовы”, в котором различные члены семьи становятся символами конфликтующих идеалов <...> и желаний»¹. Эта точка зрения

¹ Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. – London: Hutchinson's University Library, 1956. – P. 184. Здесь и далее перевод выполнен нами. – А.Б.-М.

представляется вполне обоснованной, поскольку апелляция к традиции семейного романа заложена в самом названии.

Таким образом, тема «случайного семейства», отчетливо выраженная в «Братьях Карамазовых», актуализируется культурным сознанием США и оказывается особенно востребованной в литературе американского Юга, большинство выдающихся писателей которого, включая У. Фолкнера, Т. Вулфа, Р.П. Уоррена, К. Маккаллера, Ф.О'Коннор и др., ассоциировали свое творчество с Достоевским и особенно выделяли в ряду его книг роман «Братья Карамазовы». Южный контекст, центральной точкой которого является семья, создавал предпосылки особого интереса к романам Достоевского, основу для интерпретации его романов в семейном аспекте.

В американском южном обществе периода окончания Гражданской войны, Реконструкции и Великой Депрессии наблюдается сходный с русским пореформенным интерес к институту семьи как традиционной «охраняющей ценности», безвозвратно утрачивающей свою исконную архетипическую сущность, который может трактоваться как «встречное течение» (А.Н. Веселовский) для «семейного» характера рецепции романа «Братья Карамазовы» на Юге Америки.

В историко-литературном аспекте реакцией на процессы распада родственных связей в кризисный период (1920-е – начало 1940-х гг.) стало появление большого количества романов семейного типа, повествующих о разрушении, низведении американской южной семьи, что также является «встречным течением» для темы «случайного семейства» Достоевского.

Проблема частичного генезиса семейной темы в творчестве писателей американского Юга как рецепции-трансформации темы «случайного семейства» Достоевского осознается в зарубежном литературоведении (Ф. Рав, Л. Саксон, А. Блейкастен, Р. Грей). Таким образом, актуальность работы определяется также малой изученностью вопросов рецепции романа «Братья Карамазовы» как семейного в США. Тема «случайного семейства» Достоевского оказалась предельно востребованной всей мировой культурой и литературой, и это нуждается в специальном исследовании.

Материалом исследования послужило публицистическое и художественное творчество Ф.М. Достоевского («Записные тетради», «Дневник писателя», подготовительные материалы к романам «Подросток», «Идиот», «Братья Карамазовы», романы «Идиот» и «Братья Карамазовы»), У. Фолкнера (интервью, беседы, письма, роман «Авессалом, Авессалом!»), К. Маккаллерс (статьи, эссе, автобиография, роман «Сердце – одинокий охотник»).

Предмет диссертационного исследования – тема «случайного семейства» в творчестве Достоевского в аспекте ее концептуального оформления в публицистике 1970-х гг., динамического художественного воплощения от романа «Идиот» к «Братьям Карамазовым» и ее художественная рецепция в творчестве авторов американского Юга (роман У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!»; роман «Сердце – одинокий охотник», публицистическая и автобиографическая проза К. Маккаллерс).

Целью диссертации является комплексное исследование темы «случайного семейства» в творчестве Достоевского и форм ее рецептивного

освоения и типологической соотнесенности с темой семьи в произведениях писателей американского Юга.

Данная цель предопределила ряд конкретных **задач** исследования:

1) выявить основные конститутивные составляющие понятия «случайное семейство» в публицистике Ф.М. Достоевского 1870-х гг.;

2) проследить динамику художественного воплощения понятия от этапа первого целостного воплощения темы «случайного семейства» в романе «Идиот» до этапа окончательного ее осмысливания в романе «Братья Карамазовы»;

3) определить основные модусы рецепции наследия Ф.М. Достоевского литературой американского Юга в осмысливании зарубежного и отечественного литературоведения;

4) раскрыть элементы «образа» Ф.М. Достоевского в восприятии У. Фолкнера и К. Маккаллерс;

5) установить связь национального социально-исторического и историко-литературного контекстов американского Юга с характером рецепции темы «случайного семейства» Достоевского;

6) проанализировать основные формы рецепции и типологические аналогии темы «случайного семейства» Достоевского в творчестве У. Фолкнера и К. Маккаллерс, обозначив точки схождения и расхождения в осмысливании семейной тематики и проблематики в творчестве русского и американских авторов.

Научная новизна работы.

1. Впервые комплексно исследована тема «случайного семейства» Достоевского: на материале публицистики сформулировано понятие «случайное семейство» и рассмотрена динамика его художественного воплощения от более ранних произведений к «Братьям Карамазовым».

2. Рецепция Достоевского в США, в литературе американского Юга впервые изучена в аспекте темы «случайного семейства». Проведенное исследование позволило установить новые связи, проясняющие характер включенности Достоевского-художника в мировой литературный контекст.

3. Социально-исторические и историко-литературные тенденции развития культуры и социума американского Юга впервые осмыслены как «встречное течение» для восприятия наследия Достоевского.

4. В диссертации впервые осуществлено специальное изучение рецепции темы «случайного семейства» Достоевского литературой американского Юга. Впервые применительно не только к Достоевскому, но и к Фолкнеру, и к Маккаллерс выявлено и рассмотрено понятие «случайное семейство», обуславливающее специфический механизм творческого постижения реальности, и впервые, благодаря найденному аспекту исследования, дано сопоставление художественных систем Достоевского, Фолкнера и Маккаллерс.

5. В отечественное литературоведение введен и проанализирован переведенный автором исследования обширный новый или малоизвестный материал по теме: диссертации, монографии, статьи, посвященные семейному аспекту творчества Достоевского, Фолкнера, Маккаллерс.

Положения, выносимые на защиту.

1. В публицистике Достоевского 1870-х гг. складывается понятие «случайное семейство», являющееся структурно-образным единством устойчивых элементов и функционирующее в художественных текстах писателя.

2. Художественная реализация понятия «случайное семейство» обнаруживает динамику от романа «Идиот», в котором впервые тема «случайного семейства» воплощается комплексно, к «Братьям Карамазовым», где тема «случайного семейства» получает окончательное целостное философское и поэтическое осмысление.

3. Роман «Братья Карамазовы» является репрезентативным с точки зрения семейной тематики для культурного сознания Запада и США. Тема «случайного семейства», отчетливо выраженная в «Братьях Карамазовых», актуализируется американским культурным сознанием и оказывается наиболее востребованной в литературе американского Юга 1920-х – начала 1940-х гг.

4. В творчестве Достоевского, Фолкнера и Маккаллера выделяются главные задающие типологию элементы понятия «случайное семейство», определяется их взаимосвязь, обусловленная, с одной стороны, избранным для исследования материалом (судьба семьи в переломную эпоху), с другой стороны, авторской позицией (поиск путей преодоления обособленного существования).

В основе **методологии** настоящего исследования – синтез методов историко-литературного, компаративистского, сравнительно-типологического и мифопоэтического анализа. В диссертации также использовались элементы герменевтического метода (интерпретация текстов в аспекте целостного авторского мировоззрения). Теоретико-методологическую базу диссертационного сочинения составили труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.М. Жирмунского, Н.Я. Берковского, Г.М. Фридлендера, Б.Г. Реизова, И.Г. Неупокоевой, Д. Дюришина, Т.В. Мотылевой, Я.В. Засурского, Д.В. Затонского, А.Н. Николюкина, Н.А. Анастасьева, О.Б. Кафановой и др., англоязычных исследователей (Ж. Вейджербэ, А. Блейкастена, Т. Инджа, М. Блоштейн и др.). Для интерпретации темы семьи к исследованию привлекаются произведения философов-теоретиков семьи: К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, М.М. Ковалевского, Ю. Липперта.

Теоретическое значение проведенного исследования заключается в углублении представления о поэтике прозы Достоевского в аспекте семейной проблематики и о значимости традиции Достоевского для развития американской литературы XX в., литературы американского Юга в частности.

Практическая значимость состоит в том, что наблюдения и выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы при чтении вузовских курсов по истории русской литературы, компаративистике, истории зарубежной литературы XX в., а также в работе спецкурсов и спецсеминаров.

Апробация работы. Основные положения диссертации представлены в виде докладов на региональной конференции «Творчество Ф.М. Достоевского: Проблемы, жанры, интерпретации» (Новокузнецк, 1998); IX Международной конференции «Проблемы литературных жанров» (Томск, 1998); Духовно-исторических чтениях «Православие и Россия: Канун третьего тысячелетия» (Томск, 1998); Всероссийской научно-практической

конференции «Традиции православной педагогики и гуманизации образования» (Новоузнецк, 1999); VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2005); V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2005); VI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2006). Результаты диссертации обсуждались на заседании кафедры русской и зарубежной литературы ТГУ (октябрь 2006).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 324 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность, научная новизна, определяется предмет изучения, излагается история вопроса, раскрываются теоретическое значение и практическая значимость работы, формулируются цели, задачи и методологические основы, указываются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Тема “случайного семейства” в творчестве Ф.М. Достоевского» предпринята попытка комплексного исследования темы «случайного семейства» в публицистическом и художественном творчестве писателя.

В разделе 1.1 «Формирование понятия “случайное семейство” в публицистике Достоевского 1870-х гг.» на материале «Записных тетрадей», «Дневника писателя», а также на основе подготовительных материалов к «Подростку» и «Братьям Карамазовым» выделены устойчивые элементы понятия «случайное семейство», обозначены историко-литературный и социально-исторический контексты его формирования.

Понятие «случайное семейство» у Достоевского определяют следующие устойчивые элементы: дихотомия действительного и идеального, временная оппозиция «прежде – теперь», изображение разлада отношений отцов и детей, типология родонаучальников современных семейств, введение образа «обиженного» отцами ребенка, оппозиция идеи «божественного бессмертия души» и идеи «обослебления», языковая презентация «случайного семейства» с преобладанием отрицательных конструкций и лексики с отрицательными коннотативными элементами.

Концепция «случайного семейства» у Достоевского складывается в полемике с традиционной патриархальной трактовкой семьи, в частности с трактовкой Л. Толстого. Сохраняя традиционное представление о семье как о складывавшейся веками устоявшейся форме жизни, ограничительном начале общества, Достоевский вместе с тем определяет современную семью как утрачивающую прежние свойства, что реализуется оппозицией «прежде – теперь».

«Случайность» современного русского семейства определяется кризисом отношений между поколениями, ситуацией ухода отцов от ответственности за духовное становление детей. Привнесение в семью абстракт-

ных общественных идей, забвение повседневного родительского труда и любви приводит к тому, что дети вынуждены прорываться к коренным истинам самостоятельно, получая «постыдные впечатления детства», формирующие будущую взрослую жизнь. Типологическое различие современных отцов («удивительные», «прилежные отцы с идеями» и «ленивые») не снимает общей их ответственности за появление и распространение «случайных семейств».

Дети являются главным интересом в рассуждениях писателя о «случайном семействе». Два равновеликих стремления в современных детях – к обособлению и эгоизму (следствие «случайного» воспитания отцов) и к духовной чистоте, преодолению отцовского наследия, возрождению единения – раскрывают проблему отношений «отцов и детей» и в их причинно-следственной взаимосвязи, и в оппозиции.

Достоевский выходит на идеино-философский уровень, выражаящий меру отпадения от идеала, в пределах которого реконструируется семья как данная свыше святая идея, должна «созидаться» в естественном бытования. На уровне должного идеальные отцы – духовные лидеры семейств; чрезмерное отцовское право и обособление преодолеваются актуализацией любви, взаимопонимания, терпения, объединяющей семейство и общество «высшей идеей существования».

Конкретно-бытовое существование современной семьи репрезентируется отрицательно: на уровне повседневном действует «случайное семейство», где результатом воспитания детей является «полная потеря высшего идеала существования». По Достоевскому, он заключается в идее бессмертия души. Это идея православия, Христа, забвение которой привело к общественному «хаосу», к «случайным семействам». Отцы «случайных семейств», не сумевшие передать детям идею православия, связующую семью и общество, трактуются как отцы, отправившие от Бога.

Преодоление «случайного семейства» Достоевский выстраивает на основе православной аксиологии: возвращением к идее Бога восстановится человек, семья и общество, возродятся на новом уровне как братство, «единство во имя Христа».

В разделе 1.2 «Первое целостное воплощение темы “случайного семейства”: роман “Идиот”» рассмотрена предыстория романа «Идиот» в связи с темой «случайного семейства», на основе анализа текста романа прослеживаются пути формирования темы «случайного семейства».

В романе «Идиот» впервые систематизированы все художественные элементы, формирующие тему «случайного семейства»: от выявления типичных образов отцов и детей и характера отцовско-сыновних отношений до постановки проблемы обособления человека, вызванного утратой веры в Бога как одной из главных причин появления современного типа семьи, и до выявления форм человеческого единения, преодолевающих раздробленное существование. Новый тип семьи в «Идиоте» не именуется «случайным», Достоевский определяет его расплывчато – «каким-то не таким». Вместе с тем множественное использование лексемы «случай» в сочетании с эпитетами «мудреный», «хлопотливый», «странный» актуализирует смыслы, связанные с парадигмой «случайного семейства».

Формирование темы «случайного семейства» происходит на разных уровнях: через типологию героев, сюжетно-композиционный и идейный

уровни. Семьи и герои романа «Идиот» предстают как типичные «случайные семейства» и члены «случайных семейств». Ряд «каких-то не таких семейств» включает семейства Рогожиных, Епанчинах, Иволгиных, Терентьевых, Барашковых, Мышкиных, швейцарскую семью Мари и ее матери. «Удивительные» и «ленивые» отцы представлены отцом Рогожиным, осуществляющим безграничное отцовское право; безответственным генералом Иволгиным, привнесшим «безобразие» внутрь семьи; «ловким» отцом генералом Епанчиным. Типологический ряд «заброшенных» детей «случайного семейства» в «Идиоте» необычайно широк: нигилистки сестры Епанчины, среди которых Аглая в финале романа предстает типичным ребенком «случайного семейства»; Настасья Филипповна, в душе которой с детства выросла «страшная сила отчужденности, бездомности»²; «заброшенные» дети капитанши Терентьевой и сам князь как ребенок, оставленный на «случай».

В распаде и обособлении, охвативших безбожное общество, Достоевский видит главную причину появления современного типа семьи. Нагнетание фактов обособленного существования в тексте романа (образ жизни и дом Рогожина, подполье Ипполита и др.), неоднократная вербализация мысли об отсутствии в обществе «связующей идеи» усиливают ощущение близящейся катастрофы. Изображение общественного процесса обособления происходит также на сюжетно-композиционном уровне. Сюжет о «положительно прекрасном» человеке, пришедшем в этот мир проповедовать идею человеческого объединения, начинается с приездом князя: в «хаосе» и «беспорядке», где никто не верит ни одному человеку и все семьи «случайные», он ищет «хороших людей» и общности. Князь – центр событий, их движущее начало; он устанавливает контакты, стремится погасить конфликты, вызывает в людях жажду общения, чем тормозит процесс распада. По мере развития повествования энергия обособления усиливается эгоистичным стремлением людей присвоить себе князя: «Все <...> кусают и рвут на части»³. В финале инерция обособления захватывает и князя: на вечере у Епанчиных Мышкин проявляет черты «подпольного» человека, уединившегося в углу, «глухого», не способного к диалогу.

Идея вселенческого братства, противостоящая энергии распада в обществе и семье, преодолевающая ситуацию «случайного семейства», реализуется в кольцевой композиции романа. Мысль о человеческом единении и сострадании рождается в повествовании с появлением князя и в финале вместе с ним уходит: образ князя, ничего не понимающего, но бросающегося при каждом вздрогивании к Рогожину, трагически воплощает тоску по братству и невозможность братства в реальности.

Таким образом, в «Идиоте» братство как сила, преодолевающая «случайность», изображено лишь как потенциальная возможность («не здесь», «не теперь»), а практический образ единения (дети и Мышкин) вынесен во вставную новеллу, замкнутую по своему хронотопу, представляющую образ должного, невозможного здесь, сейчас, среди «разумных» взрослых.

² Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 272.

³ Там же. — С. 265.

В разделе 1.3 «Динамика темы “случайного семейства” в “Братьях Карамазовых”: от “случая” к “всемирному братству”» раскрывается эволюция художественного воплощения темы «случайного семейства» в «Братьях Карамазовых».

Композиционное строение романа, с точки зрения семейной тематики, циклично. Начало романа вводит читателя в уклад «случайного семейства» и общественную ситуацию, описываемую как хаотическую, беспорядочную, неясную. Через этапы размышления героев (беседы и поучения отца Зосимы) и изображения страданий детей всех возрастов (от Илюшечки и Ивановых деток до Мити, Ивана и других «взрослых детей») Достоевский ведет сюжет романа к братству – семье на новом этапе развития, «расширенной семье», включающей и «не родных».

Комплексный анализ первой книги «История одной семейки» позволил сделать вывод о тотальности сюжета «случайного семейства» в романе «Братья Карамазовы». В разделе рассматривается типология отцов «случайных семейств», от «крайнего» типа, или «антиотца» (старик-Карамазов), до типа «удивительных» (Е.П. Поленов, П.А. Миусов, вдова Хохлакова) и «ленивых» отцов (отцы Катерины Ивановны и Грушеньки); подробно прослеживаются характеристики детей «случайных семейств», к которым, помимо собственно детей Карамазовых – Мити, Ивана и Алеши, причислены Лиза Хохлакова, Катерина Ивановна, Софья Ивановна и Аделаида Ивановна; делается вывод о негативной динамике процесса формирования и распространения «случайного семейства», поскольку сам Федор Павлович предстает ребенком, оставленным на «случай».

Особое внимание уделяется анализу семейства Снегиревых, которое не вписывается в рамки «случайного семейства», представляя переходный вариант от «случайного семейства» к братству⁴. Семейство Снегиревых выглядит вполне «случайным»: крайняя нищета, причина которой – пьянство главы семьи, изменение ролей отца и ребенка (дитя защищает отца) становится характеристикой «случайности». Вместе с тем изменение ролевых функций способствует превращению отца «случайного семейства» Снегирева в отца в высшем понимании: в нем просыпается чувство ответственности за семью (главное, по Достоевскому, отцовское свойство). Преодоление оскорблённого Митей самолюбия во имя детей, умение передать детям высшую идею жизни, близкое авторскому представлению о семье – все это уравнивает Снегирева с Зосимой в высшем отцовском аспекте. В своей любви к детям Снегирев праведен, даже свят. На основе именно этого семейства (через Ильшу) вырастает духовное братство мальчиков. Таким образом, семейство Снегиревых из «случайного» превращается в истинное, в котором, при всех «случайных» издержках, царят любовь и жертвенность для другого.

Попыткой преодоления «случайного семейства» как образа жизни становятся беседы и поучения старца Зосимы, в которых братство рас-

⁴ В этом аспекте семейство Снегиревых привлекало внимание исследователей: О.Ю. Юрьева трактует семейство Снегиревых «благочестивым», Г.К. Щенников называет его «исконной русской семьей». См.: Юрьева О.Ю. Образ «русского семейства» в творчестве Ф.М. Достоевского и в русской литературе начала XX века (в печати); Щенников Г.К. Целостность Достоевского. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 440 с.

крывается как неизбежный период, следующий за этапом современного обосoblения. В поучениях старца впервые за идеей единения отчетливо встает идея Бога, идея жизни с осознанным пониманием бессмертия своей души обнаруживает генетическую связь с идеей братства во имя Христа, а «случайное семейство» ассоциируется с процессами проникновения безбожия в самые глубинные основы человеческой жизни.

С поучений старца в романе начинается практическое приближение к братству, словно сообщается некоторый код, согласно которому начинают проявлять себя герои. В книге «Русский инок» события первых книг (общественный «хаос», «случайность» отношений, «сладострастие» и «скандалы» изломанных в обосблении персонажей) получают определение и истолкование. Затем происходят духовная переориентация и смещение акцентов: не настоящее заботит Зосиму, но будущее, не «случайное семейство», но созидание будущего братства, поэтому он говорит о детях, которые сами есть воплощенный на земле образ Христа и ради которых взрослым должно созидать братство.

Этапом преодоления «случайного семейства» и созидания братства становятся и страдания детей, маленьких и взрослых: в них дети «случайных семейств» проходят «инициацию». В итоге практически все дети в романе сумели вынести из опыта «случайного семейства» идею единения. Высшей точкой в сюжете превращения «случайного семейства» в «братьство» становится похороны Илюшечки и речь у камня. Идея братства здесь провозглашается как духовный принцип существования человечества. Мальчиков объединяет общее чувство «духовного родства и частности к человечеству и вечной правде его бытия»⁵.

Художественное воплощение темы «случайного семейства» в «Братьях Карамазовых» обнаруживает динамику, по сравнению с романом «Идиот», в котором преодоление «случайности» показано лишь как призрачная возможность, в то время как финал «Братьев Карамазовых» представляет практическую возможность единения в образе «братьства мальчиков».

Во второй главе «Рецепция наследия Ф. М. Достоевского литературой американского Юга в осмыслиении зарубежного и отечественного литературоведения» выявляются основные направления прочтения писателями американского Юга наследия Достоевского и рассматриваются основные концепции этой рецепции в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

В разделе 2.1 «Ф.М. Достоевский и У. Фолкнер» представлена история осмыслиения отечественной и зарубежной критикой творческих связей У. Фолкнера и Ф.М. Достоевского, анализируются работы, написанные с 1930-х гг. до настоящего времени.

Первый опыт осмыслиения роли наследия Достоевского в творчестве Фолкнера относится к 1930-м гг. Исследователи указали на существование глубинного сходства художественных миров Достоевского и Фолкнера, сосредоточившись на выявлении элементов эстетической системы Дос-

⁵ Пушкирова В.С., Тамарченко Н.Д. Дети и детство в структуре «Братьев Карамазовых» (к вопросу о своеобразии жанра романа у Ф.М. Достоевского) // Проблемы жанра в истории русской и зарубежной литературы. – Кемерово, 1976. – С. 141.

тоевского в романах американского писателя, но при этом избегали детального сравнительного анализа (Д. Чемберлен, Ф.Р. Ливис, Д.М. О’Доннел).

Статья К. Маккаллерс «Русские реалисты и литература Юга» (1941)⁶ явилась первой серьезной попыткой сопоставительного анализа творчества Достоевского и Фолкнера, поэтики их произведений и социально-исторического контекста их творчества. Маккаллерс анализирует подходы к изображению действительности, или метод Достоевского, в преломлении Фолкнера («соединение несоединимого»), механизмы художественных текстов, стилистику (контрастность, страсть), выявляет близость типических персонажей как отражение сходного, русского и американского южного, психотипа личности. Маккаллерс отмечает также различия между русским классическим романом и американским южным романом. Она указывает на коммуникативный эффект текстов Достоевского, вызывающих сопереживание американских читателей литературным героям его произведений. Таким образом, Маккаллерс широко ставит проблему художественной рецепции русского романа на американской почве. По Маккаллерс, реализм Достоевского повлиял на формирование американской литературы Юга.

После Второй мировой войны количество статей, посвященных исследованию параллелей в творчестве Достоевского и Фолкнера, увеличилось, однако они оставались, по выражению Ж. Вейсжербэ, «краткими и поверхностными» (Д. Шварц, И. Малин, М. Мильгейт, И. Хоу и др.).

В диссертации анализируется переведенная автором исследования монография Ж. Вейсжербэ «Фолкнер и Достоевский. Влияния и пересечения» (1968)⁷, в которой прослеживается эволюция отношения Фолкнера к Достоевскому на протяжении всего периода творчества, выявляются контакты и отторжения с учетом генетических связей и типологических аналогий творчества Фолкнера и наследия Достоевского. Вейсжербэ приходит к выводу о сходстве мышления Достоевского и Фолкнера, проявившемся в их интересе к психологии, в сходных социальных оценках действительности, в общности их философских взглядов (оба видят одновременное присутствие добра и зла в человеке), в преемственности романной традиции от Достоевского к Фолкнеру, что обнаруживается на уровне хронотопа. Эволюция отношения Фолкнера к Достоевскому в аспекте проблематики проявилась в смене предпочтения одного русского романа («Преступление и наказание») другому («Братья Карамазовы»), а на уровне принципов организации художественного мира – в уходе от романа действия, где о влиянии Достоевского свидетельствовали герой, способы его изображения, приемы и т.п., к роману идей, в котором идеи Достоевского существуют параллельно романному действию.

Ценность работы Вейсжербэ состоит в систематизации огромного фактографического материала и в попытке целостного взгляда на проблему, в то же время широта постановки вопроса и обилие материала не позволили автору обратиться к анализу поэтики произведений и выявить роль

⁶ McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature // McCullers C. The Mortgaged Heart. Selected Writings. – Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company, A Mariner Book, 2005. – P. 252–258.

⁷ Weisgerber J. Faulkner and Dostoevsky. Confluences and Influences. – Athens Ohio: Ohio University Press, 1974. – 383 p.

заимствований и типологических сходств в отдельных романах как целостных художественных системах.

В 1970-е гг. наблюдается резкое повышение интереса к теме «Достоевский – Фолкнер», она становится предметом литературоведческих и диссертационных исследований в Соединенных Штатах и в Советском Союзе. В американских работах исследуется общность философского взгляда на мир Достоевского и Фолкнера, а также сближающая их психологическая трактовка человека (Э. Брикер, А. Пизани, Д. Пэламбо и др.). Можно выделить социологический (Дж. Киллог) и религиозный (Дж. Смит) подходы в исследованиях.

Отечественных ученых особо интересовали вопросы поэтики: судьбы реализма (Т.Л. Мотылева), романа (Д.В. Затонский), формы функционирования мифов (В.А. Костяков), проблемы развития традиции в новых условиях (А.А. Иокоз-Долинин), особенности повествовательной организации (К.А. Степанян) и др.

Работы 1980–1990-х гг. (Ю.И. Сохряков, А.Н. Николюкин, Н.А. Анастасьев) рассматривают проблему «Достоевский – Фолкнер» в широком контексте всеобщего взаимодействия литератур мира как один из аспектов проблемы влияния русской литературы на литературный процесс других стран, в частности США. Новейшие зарубежные работы посвящены изучению восприятия и реализации Фолкнером отдельных мотивов, образов, идей Достоевского (М. Блоштейн, А. Блейкастен, Б. Уайат-Браун).

В разделе 2.2 «Ф.М. Достоевский и К. Маккаллерс» традиции Достоевского в творчестве Маккаллерс представлены в освещении отечественной и американской критики.

Тема «Достоевский – Маккаллерс» была задана самой писательницей в статье «Русские реалисты и литература Юга» (1941), где отмечены сходные типологические черты творчества русских реалистов и писателей-южан: изображение трагической реальности, выявление в ней метафизического измерения, онтологических проблем, связанных с образом Бога, интерес к гротеску как основному приему романной техники, страсть повествования и т.д.

Последующая критика, усматривая сходство творческих систем Достоевского и Маккаллерс, во многом опиралась на постулаты статьи Маккаллерс, развивая те или иные моменты (Д. Колер, И. Бухен). Новым этапом в осмыслении темы стала статья Т. Пачмасс «Достоевский, Д.Г. Лоуренс и Карсон Маккаллерс: влияния и точки пересечения» (1974)⁸. Достоевсковед и автор книги, посвященной исследованию дуалистического и синтетического начал души человека в творчестве Достоевского, Т. Пачмасс двигалась к проблеме типологического сходства творчества К. Маккаллерс и Ф.М. Достоевского от Достоевского, что позволило ей уйти от поверхностного сравнения отдельных сходных образов, ситуаций или приемов. Исследователю удалось наметить основные аспекты проблемы, очертив уровни типологической близости творчества двух писателей. Пачмасс выходит за пределы сравнительного анализа типологических

⁸ Pachmuss T. Dostoevsky, D.H. Lawrence, and Carson McCullers: Influences and Confluences // Germano-Slavica: A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative Studies. – 1974 (Fall). – Vol. 1. – № 4. – P. 59–68.

схождений творчества Маккаллера и Достоевского и предлагает свой вариант ответа на вопрос, почему в литературе XX в. различные формы рецепции идей Достоевского стали общим местом: причиной является воплощенное в текстах Достоевского предвидение проблем современного мира.

В статье «Достоевский и женщины-писательницы американского Юга: параллели и пересечения» (1981)⁹ Пачмасс выходит на новый уровень обобщения: не только Маккаллерс, но и другие писательницы американского Юга интересуют Пачмасс в аспекте сравнения и сближения их творчества с романами Достоевского. Пачмасс считает, что именно христианское начало творчества русского автора обусловило интерес писательниц Юга к Достоевскому, и делает вывод о «формирующем воздействии» Достоевского на литературу американского Юга XX в.

Отечественная исследовательница И. В. Львова, исследуя литературную репутацию Ф. М. Достоевского в США, привлекает материал творчества Маккаллера, чтобы очертить поле различных интерпретаций эстетики Достоевского не только собственно критической мыслью, но и творческой¹⁰.

Третья глава «Тема “случайного семейства” в творчестве У. Фолкнера» посвящена выявлению путей, форм и способов рецепции темы «случайного семейства» в творчестве У. Фолкнера на материале его интервью, бесед, писем и текста романа «Авессалом, Авессалом!».

В разделе 3.1 «Ф. М. Достоевский в восприятии У. Фолкнера» систематизируются высказывания Фолкнера о Достоевском, раскрывается своеобразие восприятия художественного опыта Достоевского У. Фолкнером.

Выявлено, что высказывания У. Фолкнера о Ф. М. Достоевском относятся к позднему периоду его творчества – концу 1940-х – началу 1960-х гг. Фолкнер не раскрывает в подробностях характер влияния на него Достоевского, что объясняется, в том числе, склонностью Фолкнера к мифологизации своей биографии. Фолкнеру свойственно мышление образами, когда за словом мыслится, но не проговаривается целая тема, ситуация, история. В связи с учетом этой особенности мировосприятия Фолкнера вопрос о влиянии Достоевского проанализирован в технике реконструкции.

Анализ ряда косвенных фактов, создающих контекстуальное поле «встречи» Фолкнера с Достоевским (дружба с Ф. Стоуном, знакомство с Ш. Андерсоном, увлечение Дж. Конрадом, письмо Э. Хемингуэя), позволяет с достаточной степенью определенности уже на этом уровне сделать вывод о серьезном интересе Фолкнера к Достоевскому.

Выделяются три рода высказываний У. Фолкнера о Ф. М. Достоевском: упоминание имени русского писателя в ряду других имен, указание на роман «Братья Карамазовы» как на одну из любимейших и постоянно перечитываемых книг и, наконец, более пространные высказывания о Достоевском.

Анализ интервью, писем и бесед в их целостности позволил вычленить конкретные аспекты творческого восприятия Фолкнером Достоевского, оп-

⁹ Pachmuss T. Dostoevsky and America's Southern Women Writers: Parallels and Confluences // Poetica Slavica: Studies in Honour of Zbigniew Folejewski. – Ottawa: University of Ottawa Press, 1981. – Р. 115–126.

¹⁰ Львова И. В. Литературная репутация Ф. М. Достоевского в США (1940–1960-е гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск: КГПУ, 2000. – 19 с.

ределить характер влияния Достоевского на творчество американского автора. В восприятии Фолкнера, Достоевскому принадлежит своя ниша в контексте мировой литературы, равная «другим великим» (Шекспиру, Бальзаку и др.). Русский писатель предстает как художник, владеющий высшим мастерством — умением сочетать универсальную истину, противоречия человеческого сердца и интригу, сенсацию, позволяющую владеть вниманием читателя. Достоевский является основателем художественной традиции гуманизма, продолжателем которой осознает себя Фолкнер, и творцом, обладающим психологическим даром и умеющим сострадать. Достоевский воспринимается также как исследователь семейной тематики и проблематики, особенно близкой Фолкнеру как американскому южному автору.

В разделе 3.2 «Тема семьи в литературе американского Юга 1920–1940-х гг.» анализируется историко-социальный и историко-литературный контекст как основа рецепции темы «случайного семейства» У. Фолкнером.

Семейная тематика особо присуща южному региону США. Проблема семьи во многом составляет южную региональную специфику. Гражданская война в США и последующий период Реконструкции прервали связь времен на Юге: он стал единственным американским регионом, чья целостность обусловлена прошлым.

«Старые традиционные семейства» (большие, состоящие из трех и более поколений, расширенные непрямой родней, патриархальные, привязанные к земле, хранящие семейные традиции) на американском Юге 1920-х – начала 1940-х гг. все еще сохраняют роль социальной элиты общества. Процессы утраты социального статуса таких семейств, с подменой традиционной южной семьи новой — безликой, нуклеарной, состоящей не более чем из двух поколений, подвижной, — переживаются южным сознанием как момент эсхатологический.

Критерий семьи (сообщества) как мерило ценностей на американском Юге позволяет понять, почему здесь особенно остро, болезненно воспринимается разрыв именно родственных связей, а не вообще человеческих. В диссертации показывается, что одной из главных особенностей американской южной литературы 1920-х – начала 1940-х гг. является выдвижение на первый план проблем, связанных с семьей: «В последнее время мы столкнулись с таким большим количеством романов о судьбе семьи на фоне падения южного региона»¹¹.

Вырождение семейных династий, отчуждение внутри семьи, изображаемые У. Фолкнером, Т. Вулфом, Ю. Уэлти, Р.П. Уорреном, К. Макаллерс и др., является отражением общественного отчуждения. Авторы со средоточены на двух основных семейных проблемах:

1) навязчивость семьи, ее вездесущность и оказываемое ею давление на отдельного ее члена;

2) чувство отчужденности в семье, когда члены семьи утрачивают друг с другом естественные родственные и вообще человеческие связи.

Вторая проблема свойственна художественному мышлению Достоевского, исследующего «случайное семейство». Изображение семьи писателями американского Юга во многом сходно с изображением «случайного

¹¹ Anonymous. A Southern Family // Critical Essays on William Faulkner: The Sartoris Family. – Boston: Macmillan Library Reference, 1985. – P. 125.

семейства» Достоевским. Писатели-южане считают семью положительным началом благодаря априорно присущему ей качеству общности, единства, отдавая себе отчет в ее недостатках.

Таким образом, историко-социальный и историко-литературный контексты американского Юга могут трактоваться как «встречное течение» для восприятия семейной проблематики творчества Достоевского. В изображении современного состояния семьи (в распаде межличностных связей, отсутствии нравственности, разрушении устоев) и в типологическом сходстве семейных трактовок обнаруживается рецепция творчества Достоевского. Этому способствовали типологически сходные общественные процессы разложения семей на американском Юге и в пореформенной России: в русском варианте проблема вскрывается с отменой крепостного права, в Америке корни проблемы уходят в Гражданскую войну, последствия которой для семьи тянутся вплоть до 1940-х гг.

Раздел 3.3 «Роман Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы” и роман У. Фолкнера “Авессалом, Авессалом!”: “случайное семейство” и “разрушенная южная семья”» посвящен выяснению рецепции У. Фолкнера темы «случайного семейства», прослеживаются некоторые важные для диссертационного исследования интертекстуальные связи творчества Фолкнера с романом Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», представлен сравнительно-типологический анализ романов «Братья Карамазовы» и «Авессалом, Авессалом!» в семейном аспекте, а также обозначена «точка перехода» темы «случайного семейства» от одного автора к другому, в том числе выясняются совпадения и расхождения художественных решений темы у Достоевского и Фолкнера.

В основание типологического сравнения романов «Братья Карамазовы» и «Авессалом, Авессалом!» в диссертации положено представление о том месте, какое они занимают в творчестве обоих авторов. Во многом оно сходно: в западном восприятии Сатаны Фолкнера стали синонимом определенного типа семьи, запутанных и трагических семейных отношений, так же как Карамазовы Достоевского. Роман «Авессалом, Авессалом!» рассматривается как новый этап в раскрытии семейной тематики, где впервые детально исследуется институт отцовства, ставится вопрос о том, что же в действительности «делает отца отцом» (Э. Махленфилд, К. Портер, А. Блейкастен и др.).

Обращение к фактам биографии писателей дает более глубокое понимание роли семейной темы в творчестве авторов. Типологическое сходство трактовки проблемы отцов и детей в диссертации объясняется, в том числе, и сходным автобиографическим материалом: для Достоевского и Фолкнера проблема отца — личная проблема (отец Достоевского был убит, у Фолкнера был убит прадед). Смысловый компонент «отцеубийства» в убийстве «Старого Полковника» (прадеда Фолкнера) сохраняется, поскольку именно он считался в семье Фолкнера патералистской фигурой, тем героическим предком, участником фронтира, отцом-основателем, с которым традиционно отождествляли себя их потомки-южане: такой предок, представляя собой родонаучальника, главу семьи, прочитывался как метафорическая фигура, отец и хозяин в одном лице.

В основе рецепции У. Фолкнера темы «случайного семейства» Достоевского лежит мифологический образ Авраама: «Вопрос: Какие книги

вам нравятся? Какие из них вы перечитываете? — Фолкнер: Каждый год я читаю “Дон Кихота”, Библию, немного из Диккенса, “Братьев Карамазовых” <...> — Вопрос: “Братьев Карамазовых”? Вы любите Достоевского? — Фолкнер: Я ничего не знаю о Достоевском. Мне нравятся “Братья Карамазовы”. Разве не превосходен этот старый мошенник Авраам? Я люблю его» (интервью Виде Маркович 1962 г.)¹². Фолкнер воспринимает тему семьи Достоевского через фигуру родоначальника. Называя Федора Павловича «старым мошенником», Фолкнер трактует семью как пространство для неблагодивых дел, плутовства, профанации, с другой стороны, история старшего Карамазова в библейском контексте воспринимается как вечная история отца и его сыновей.

В контексте образа Авраама исследуется ранний фолкнеровский замысел романа «Отец Авраам» (конец 1926 г. — начало 1927 г.) и устанавливается генетическая взаимосвязь между целым рядом фолкнеровских героев — Дэлом Мартином, Томасом Сатпеном, Флеммом Сноупсом, с общим семантическим полем в библейской фигуре Авраама. Фолкнер воспринимает Федора Павловича Карамазова как Авраама, тем самым объединяя общим полем видения своих героев и героя Достоевского, они все — «авраамические фигуры», реализация одного мифологического архетипа: патриарха Авраама. Образ Авраама амбивалентен, по Фолкнеру: он есть воплощение идеи родоначалия, семейственности, что является безусловной ценностью; с другой стороны, способность выжить, укоренить и «возвысить» свой род требует качеств, противоречащих этическим представлениям о нравственности, превращает Авраама в хитрого и беспричинного родоначальника.

К «Братьям Карамазовым» Достоевского апеллируют история создания романа «Авессалом, Авессалом!», его тематика и проблематика.

Внешние контакты: покупка Фолкнером двух книг «Братьев Карамазовых» в период создания первых версий романа «Авессалом, Авессалом!» — рассказов «Большой человек» (ранее 1930 г.), «Евангелина» (1931) и «Уощ» (1933), — увеличивают вероятность рецепции семейной составляющей «Братьев Карамазовых» Фолкнером, находят продолжение в литературно-типологических аналогиях трактовки семейной темы в русском и американском романах.

История замысла романа «Отец Авраам» и восприятие Фолкнером Федора Павловича Карамазова как современного Авраама указывают на типологическую близость отцовских фигур романов Достоевского и Фолкнера.

Центральная фабульная и сюжетная линии в обоих романах (отцеубийство и отношения братьев, осуществляемый ими выбор) актуализируются в названиях и в отсылке к библейскому сюжету о Каине и Авеле.

Авторские акценты в трактовке семьи и ее будущего (в образе братьев) принципиально сходны: у Фолкнера отцеубийство становится не физическим деянием, а духовным, получая реализацию в братоубийстве, при этом латентный характер отцеубийства не отменяет самого деяния, все атрибуты отцеубийства в отраженном виде или в форме переноса присутствуют.

¹² Lion in the Garden. Interviews with William Faulkner 1926–1962 / Ed. by Meriwether J. B. & Millgate M. — Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1980. — P. 284.

Художественное решение образа отца, его духовной роли в объединении или разрушении семьи и образов детей «случайных семейств» выявляет рецепцию Фолкнером прозы Достоевского: фигуры Федора Павловича и Сатпена можно причислить к одному типу отцов «случайных семейств», а образы их сыновей и дочерей — к типу «вышвырков» таких семейств.

Типологически близким «случайному семейству» Достоевского в романном мире Фолкнера становится образ «разрушенной / низведенной южной семьи»: близки характерологические особенности отцов и детей, тип их взаимоотношений. Главное типологическое сходство отцовских фигур — Сатпена и Федора Павловича — проистекает из общей трактовки института отцовства Фолкнером и Достоевским: Карамазов и Сатпен есть реализация образа неблагочестивого, утратившего свое высокое предназначение отца, на которого возлагается основная вина в разрушении семьи или династии.

Интерес Фолкнера к детям, сопоставимый с интересом Достоевского, трактовка образов детей как жертв «недостаточного» отцовства (часто и материинства), небрежения, недосмотра со стороны родителей позволяют говорить о правомерности применения категории «случайности» Достоевского к детям Фолкнера. Они, подобно детям «случайных семейств» Достоевского, предоставлены сами себе, оставлены на Бога и на «случай» (у Фолкнера он часто трактуется как Рок, Судьба).

Кульминационной точкой в трактовке образа обиженного, заброшенного ребенка становится фигура Чарльза Бона, его ситуация наиболее приближена к ситуации детей «случайного семейства» Достоевского. Духовное сиротство Бона сближает его с Митей Карамазовым: оба понимают отцовство как моральное обязательство. Мотив сыновнего великодушия по отношению к блудному отцу вскрывает семантические параллели с «Подростком», герой которого и обожает своего отца, и бунтует против него.

Акцент на различии невеликодушного отца (Сатпена) и великодушного сына (Бона) показывает направление, в котором Фолкнером решается проблема наследования. Оно близко Достоевскому: человек, по Фолкнеру, детерминирован своей природой, но ею не исчерпывается, его судьба если и не «определяется в свободе» (К.В. Мочульский), как у героев Достоевского, то, во всяком случае, демонстрирует выходы к этой свободе, приобщение к ней в некоторых поступках.

Критерием оценки состояния окружающего мира для Фолкнера становится отношение к ребенку. Мир, в котором обижены, брошены отцами дети, трактуется как «неправедный», холодный, он идет к краху. Это видение сближает художественные миры Достоевского и Фолкнера. Страдающие дети Фолкнера сливаются с образом страдающего Христа и Ивановыми детскими, ссылка на которых содержится в аллюзии из «Братьев Карамазовых»: «“Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им” <...> интересно, что Господь Бог хотел этим сказать? Если он хотел сказать, что детям приходится просить разрешения приблизиться к нему, то что же за землю он тогда создал? А если дети должны страдать, чтобы приблизиться к нему, то что же тогда у него за небеса?»¹³ (ср. у Достоевского: «Если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то причем

¹³ Фолкнер У. Собр. соч. в 6-ти т. — М.: Художественная литература, 1985—1987. — Т. 2. — С. 511.

тут дети <...> Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию?»¹⁴). Мир в романе Фолкнера изображен как хаос, в нем утрачены ориентиры, обижены беззащитные и беспомощные, приближенные к Христу дети. Это мир, «оставленный Богом»¹⁵, в нем утрачиваются христианская вера и сострадание, что сближает Фолкнера с Достоевским, также видевшим главную причину беспорядочности русской постформенной жизни в утрате идеи Бога и бессмертия, следствием чего явился процесс обособления в семье и обществе.

Анализ рецепции Фолкнером романа «Братья Карамазовы» и реализации семейной проблематики в романе Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о созданной американским писателем модели, типологически сходной со «случайным семейством» Достоевского, условно названной нами «разрушенным южным семейством». Для «разрушенного южного семейства» Фолкнера характерны нарушенные традиционные отношения отцов и детей, самоустраниние отцов от воспитания детей, в особенности мировоззренческого, ценностного, и от поддержки их в кризисных пороговых ситуациях.

У Фолкнера, как и у Достоевского, появление «разрушенного южного семейства» связывается с общественным хаосом, утратой нравственных ориентиров, в конечном счете с утратой веры в Бога.

Существенная разница в решении проблемы «случайного семейства» в творчестве Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера заключается в возможности / невозможности преодоления «случайности» семьи. Для Достоевского характерно осознание практической возможности преодоления обособления в семье и в обществе в форме православного братства. Фолкнер также изображает возможность новых форм единения, с некоторым допущением приближенных к братству Достоевского (братьские отношения Генри и Бона, объединение Джудит, Клити и Розы во время Гражданской войны). Однако эти формы носят временный характер. В итоге детям Фолкнера не удается преодолеть отцовский «грех», разъединяющее отцовское наследие, в отличие от детей Достоевского. Отцы губят собственных детей, последним, в свою очередь, недостает сил, чтобы выстоять. И в этом смысле Фолкнери близка мысль о «мужестве обреченных», об индивидуальной экзистенциальной стойкости.

Четвертая глава «Тема “случайного семейства” в творчестве К. Маккаллерс» посвящена анализу рецепции темы «случайного семейства» К. Маккаллерс на материале ее художественного, публицистического и автобиографического творчества.

В разделе 4.1 «Ф.М. Достоевский в восприятии К. Маккаллерс» раскрываются элементы «образа» Достоевского в рецепции Маккаллерс.

Восприятие творчества Достоевского Маккаллерс сочетает эмоционально-оценочную рецепцию, отразившуюся в статьях «Книги, которые я помню» (1941), «Как я начала писать» (1948) и в автобиографии «Озарение и слепящий свет ночи. Незаконченная автобиография Карсон Маккаллерс»

¹⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. — Л.: Наука, 1972—1991. — Т. 14. — С. 222.

¹⁵ Allen S.L. Dispossessed Sons and Displaced Meaning in Faulkner's Modern Cosmos // Mississippi Quarterly. — 1997 (Summer). — Vol. 50. — Iss. 3. — P. 429.

(1965–1967)¹⁶, и научное сравнительно-типологическое исследование в статьях и эссе «Русские реалисты и литература американского Юга» (1941), «Цветущая мечта. Заметки о писательстве» (1959)¹⁷, где литературно-типологические сходства в творчестве Достоевского и в литературе американского Юга — гротеск, тип героя, поиск метафизических и нравственных начал и др. — анализируются в единстве с общественно-типологическими схождениями: осознанием дешевизны человеческой жизни, регионализмом как типом социального мышления, психотипом социальной личности. Маккаллерс констатирует факт мощного влияния русского классического романа XIX в. на литературу американского Юга.

Достоевский в восприятии Маккаллерс предстает как художник-предшественник, чей талант сформирован во многом сходными социальными условиями, и как художник, готовый принять личную ответственность за все происходящее в мире. Индивидуально-авторское определение Маккаллерс Достоевского как мистика преодолевает устойчивую литературную репутацию Достоевского (периода 1910–1930-х гг.) как посредственного художника, поскольку слово «мистик», по Маккаллерс, синоним высокого качества «писательства». Маккаллерс ценит художественные открытия Достоевского: метод организации контрастного до несовместимости жизненного материала, страсть и невиданное напряжение, рождающиеся на стыке морали и метафизики, его теологическое видение. Использование Достоевским гротеска, который есть «лишь симптом теологического видения общества, истории и человека»¹⁸, и постановка «последних вопросов» выявляют центральное положение фигуры Бога для Достоевского в восприятии Маккаллерс.

Автобиография расширяет представление о творческом влиянии Достоевского на искусство писательницы и содержит информацию о творческих контактах Маккаллерс с русским автором. Увлечение Достоевским не было временным эпизодом творческой биографии Маккаллерс, она регулярно перечитывала его тексты, при этом контакты с творчеством русского автора были разноплановыми — чтение произведений самого Достоевского, а также других авторов (Д.Г. Лоуренса), опосредовавших восприятие Достоевского, обращение к критическим работам по Достоевскому (например, анализу романа «Идиот», сделанному К. Мэнсфилд). Творчество Достоевского органично вплеталось в ткань жизненного опыта писательницы, когда в повседневной жизни отыскивались контактно-генетические связи, образные аналогии: события, люди реальной жизни вызывали в памяти образы книг Достоевского (реальное лицо Анна-

¹⁶ McCullers C. Books I Remember // Harper's Bazaar. — 1941 (April). — P. 82, 122, 125; How I Began to Write // McCullers C. The Mortgaged Heart. Selected Writings. — Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company, A Mariner Book, 2005. — P. 249–251; McCullers C. Illumination and Night Glare. The unfinished autobiography of Carson McCullers / Ed. by Dews C. L. — Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1999. — 231 p.

¹⁷ McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature...; The Flowering Dream: Notes on Writing // McCullers C. The Mortgaged Heart. Selected Writings. — Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Company, A Mariner Book, 2005. — P. 274–282.

¹⁸ O'Connor F. Some Aspects of the Grotesque in Southern Fiction // O'Connor F. Mystery and Manners: Occasional Prose / Sel. and ed. by Sally and Robert Fitzgerald. — New York: Farrar, Straus & Giroux, 1969. — P. 42–43.

Мария Кларак-Шварценбах воспринималась в контексте образа Настасьи Филипповны).

В разделе 4.2 «Многоаспектность реализации темы “случайного семейства” в творчестве К. Маккаллерс» исследуется рецепция К. Маккаллерс проблем «случайного семейства», а также соотносится их решение в творчестве Маккаллерс и Достоевского.

В подразделе 4.2.1 «“Разбитая / разрушенная семья” как вариант “случайного семейства” Ф. М. Достоевского в публицистической и автобиографической прозе К. Маккаллерс» рассматривается созданный Маккаллерс на нехудожественном материале образ семьи, типологически близкий «случайному семейству» Достоевского.

Структура реализации семейной тематики в публицистике Маккаллерс обнаруживает типологическую близость семейному аспекту художественного творчества Достоевского и получает выражение в дихотомичности семейного образа (идеал и его разрушение), имплицитности идеального образа семьи, в представлении об отцовско-сыновных отношениях как отношениях ответственности и духовности. В сознании Маккаллерс идеал семьи является своеобразной отправной точкой в анализе современной жизни, где распространились распавшиеся, нищие, погруженные в состояние одиночества семьи. Причину «отпадения» семьи от идеала Достоевский объясняет «обособлением», Маккаллерс — «одиночеством», при этом авторская семантика обоих терминов, общественные ситуации, вызванные этими тенденциями, оказываются сходными. Достоевский предвидел и описал за полвека до Маккаллерс тенденцию к обособленному существованию, тотальному духовному одиночеству человека, которое станет «бичом», «проклятьем» ХХ в.

Иdealный образ семьи, противостоящий «разбитой / разрушенной семье», Маккаллерс возводит, в том числе, и к русской почве, демонстрируя рецепцию творчества русских реалистов, включая Достоевского. Эссе «Как я начала писать» представляет собой воспоминания о родном доме, пространство которого духовно сопрягается с Россией. Сам ход русской и южной американской жизни, ее темп, общие узнаваемые картины виделись Маккаллерс как сходные. Поэтому освоение русских классиков происходило в рамках освоения собственного «дома», маркировалось как освоение «своего». Образ «разбитой семьи» складывается также в результате рецепции русского патриархального уклада («Книги, которые я помню») и образов «случайности» Достоевского: образ Настасьи Филипповны воспринимается Маккаллерс как образ «обиженного ребенка» («Озарение и слепящий свет ночи»). Образы Достоевского резонировали с собственными творческими и личными поисками Маккаллерс.

Автобиография «Озарение и слепящий свет ночи» дает типологию возможных семейных отношений и форм семейного существования, большая часть которых типологически близка творчеству Достоевского. Истории «разбитых семей», включая семейную жизнь самой Маккаллерс, повторяющийся мотив тоски по дому, сам сюжет автобиографии, прочитывающейся как поиски дома, желание уйти от преследующего чувства неприкосновенности — все это создает сходную с описанной Достоевским атмосферу разложения, обособления, бессемейности.

Личный опыт семейной жизни Маккаллера, анализ состояния окружающего общества, воплощенный в историях семьи Анны-Марии Кларак-Шварценбах (наиболее приближенной к «случайному семейству» Достоевского), соседской семьи с больным ребенком и т.п., подводят Маккаллера к вычленению модели «разбитой / распавшейся семьи», типологически близкой «случайному семейству» Достоевского. Маккаллерс говорит о «продукте / плоде» «разбитой семьи», о детях, уже выросших, но выросших какими-то «не такими», духовно искалеченными. Участь такого «продукта разбитой семьи» состоит в практике разрушения; чувство «абсолютной бесполезности <...> и моральная депрессия»¹⁹ преследуют их на протяжении всей жизни, и корни этого следует искать в детстве. Таким образом, в публицистической и автобиографической прозе образ «разбитой семьи» воссоздается как вариант «случайногом семейства» Достоевского и анализируется как следствие процессов обособления и утраты веры в Бога, приведших к разложению общества, хаосу, что вскрывает не только рецептивное освоение образов Достоевского, но и психолого-типологическую общность мировосприятия Достоевского и Маккаллера.

В подразделе 4.2.2 «Романы Ф.М. Достоевского “Идиот” и “Братья Карамазовы” и роман К. Маккаллера “Сердце – одинокий охотник”» анализируются художественные формы и способы рецепции Маккаллера темы «случайногом семейства» Достоевского, а также различие в позиции двух писателей.

Природа генетических связей и типологических сближений романа Маккаллера «Сердце – одинокий охотник» (1940) лежит в области рецепции двух романов Достоевского – «Идиота» и «Братьев Карамазовых».

Проблему разрушения семейных связей Маккаллера возводит к более общей проблеме отчужденного человеческого существования в условиях современной цивилизации, сближаясь подобной трактовкой с Достоевским.

Духовное отчуждение реализуется Маккаллера в центростремительном композиционном строе романа, именно на этом уровне обнаруживаются генетические контакты с романом Достоевского «Идиот», выраженные двумя способами рецепции: необходимым, т.е. характеризующим отношения героев и формирующим мирообраз, и дифференциальным, целью которого является отмежевание от первоисточника.

На первом этапе романа всеобщая устремленность персонажей романа к главному герою Сингеру подается как попытка преодоления раздробленности общества, как альтернатива разрушенным семьям, что близко сюжету романа «Идиот» («необходимая» рецепция). Однако затем «фокус» в Сингере рассыпается, его образ профанируется, снижается по сравнению с князем Мышкиным. Герой Маккаллера оказывается неспособным объединить вокруг себя людей, ему недоступна глубина трагизма проявившегося отчуждения («дифференциальная» рецепция). Таким образом, для Маккаллера вопрос о возможности братства остается открытым.

Творческое видение Маккаллера обнаруживает литературно-типологическую родственность художественному миру Достоевского в объяснении причин отчуждения людей друг от друга, которую она также видит в утрате веры в Бога, что получает символическое выражение в евангельской цитате: «Все ищут Тебя» и в мотиве поисков героями Бога.

¹⁹ McCullers C. Illumination and Night Glare... – С. 23.

Аллюзия из «Легенды о Великом Инквизиторе» становится высшей точкой в характеристике современного мира как мира, утратившего Бога. Можно констатировать сложный характер рецепции Маккаллера образов и идей Достоевского, проявившийся в использовании аллюзии из «Легенды о Великом Инквизиторе». Вольное изложение цитаты из «Братьев Карамазовых» Достоевского: «Что же они с нами делают! Истины превратили в ложь. Идеалы испоганили и оподибли <...> Посмотрите, что с Христом сотворила церковь за последние две тысячи лет. Что она из него сделала! Как она извратила каждое его слово в угоду своим низким целям! Если бы Христос жил сегодня, его подвели бы под монастырь и упятали за решетку»²⁰ — обнаруживает творческое усвоение Маккаллера импульса, идущего от Достоевского, поскольку аллюзия используется для усиления характеристики социальной несправедливости, царящей в обществе. Идеи Достоевского трансформируются Маккаллерс, встраиваются в систему социального романа. С другой стороны, рецепция может быть определена как «необходимая» и «интегральная», т.е. соотносимая с идеями Достоевского, поскольку аллюзия становится логическим завершением осмыслиения идеи всеобщего отпадения от Бога, по-новому высвечивающей страдающих от боли неверия людей.

Конечным результатом утраты веры в Бога и обособления Маккаллера считает «разбитые / разрушенные семьи». Семей, как таковых, уже нет в романе Маккаллера, но характер осмыслиения отцовско-сыновних отношений (забвение отцовской ответственности) позволяет обнаружить односторонность художественного мышления Достоевского и Маккаллера в семейном аспекте. Современное состояние человека, семьи и общества не удовлетворяет Маккаллера; как и Достоевский, она ищет пути спасения — в актуализации начал любви, в ответственном отношении людей друг к другу. Но если Достоевский видит пути выхода из кризиса в православной аксиологии, во всеобщем духовном единении, то перспектива Маккаллера — в разумном стоицизме, преодолении онтологического страха в рамках экзистенциальной философии.

В заключении подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Трагедийное начало, усилившееся в первой половине XX в. и выразившееся в утрате человеком ощущения единства с миром и другими людьми, актуализировало в литературе американского Юга тему «случайного семейства» Достоевского, предвидевшего и описавшего в XIX в. тенденцию к обособленному существованию человека, что способствовало созданию сходных типологических моделей семьи в художественных системах писателей американского Юга.

Выделенное как структурно-образное единство устойчивых элементов понятие «случайное семейство» Достоевского было применено и рассмотрено (с опорой на рецепцию наследия Достоевского американскими авторами) в отношении Фолкнера и Маккаллера. В результате сопоставительного анализа были выявлены близкие черты художественных исканий русского и американских авторов, выразившиеся в тяготении к теме «случайного семейства».

²⁰ Маккаллэрс К. Сердце — одинокий охотник: Роман / Пер. Е. Голышевой // Кэсер У. Моя Антония: Роман. — М.: Радуга, 1985. — С. 219.

Существенная разница в трактовке темы «случайного семейства» состоит в том, что Достоевский решает ее на основе православной аксиологии, исходит из отрицания обособления как антипода Божьей любви, ведущей к духовному единению и бессмертию; писатели американского Юга, выходя в своем творчестве к изображению опасности обособленного существования человека, решают проблему распада современной семьи в рамках экзистенциальной системы ценностей, полагая, что идея опоры личности на внешние силы (Бог, община) не состоятельна, призывающая проявить индивидуальное мужество и стоицизм в условиях распадающейся реальности.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. *Банах А.В.* Проблема «Достоевский – Фолкнер» в аспекте романной поэтики // Проблемы литературных жанров: Мат-лы VIII науч. межвузовской конф. – Ч. I. – Томск: ТГУ, 1996. – С. 89–91.
2. *Банах А.В.* Традиция дома и ее реализация в романах Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера («Братья Карамазовы» и «Шум и ярость») // Сб. студенческих и аспирантских работ. – Вып. 1. – Томск, 1996. – С. 42–45.
3. *Банах А.В.* Ф.М. Достоевский и У.Фолкнер. Некоторые аспекты поэтики жанра семейной хроники // Тезисы региональной конф. «Творчество Ф.М. Достоевского: Проблемы, жанры, интерпретации». – Новокузнецк, 1998. – С. 13–16.
4. *Банах-Маникина А.В.* Некоторые аспекты повествования Ф.М. Достоевского в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» // Сб. студенческих и аспирантских работ. – Вып. 2. – Томск: ТГУ, 1998. – С. 27–30.
5. *Банах А.В.* Антиномия соборности и закона у Достоевского и Фолкнера // Проблемы литературных жанров: Мат-лы IX Междунар. конф. – Томск: ТГУ, 1999. – С. 15–22.
6. *Банах-Маникина А.В.* К вопросу об истоках жанра семейной хроники // Сб. докладов и тезисов выступлений участников Всероссийской науч.-практ. конф. «Традиции православной педагогики и гуманизации образования». – Новокузнецк, 1999. – С. 69–73.
7. *Банах-Маникина А.В.* К вопросу о типологии семейных хроник конца 19 – начала 20 веков // Сб. студенческих и аспирантских работ. – Вып. 4. – Томск: ТГУ, 1999. – С. 60–62.
8. *Банах-Маникина А.В.* Ветхозаветная модель рода и типы семейной хроники в литературе 19–20 веков // Православие и Россия: Канун третьего тысячелетия: Мат-лы Духовно-исторических чтений / Под ред. Протоиерея Л.М. Хараника и к.ф.н., доцента О.Т. Лойко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2000. – С. 94–96.
9. *Банах-Маникина А.В.* Восприятие творчества Ф. М. Достоевского К. Маккаллерс // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Мат-лы VI Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых 22–23 апреля 2005 г. – Томск: ТГУ, 2005. – Вып. 6. – Ч. 2: Литературоведение. – С. 13–16.
10. *Банах-Маникина А.В.* Ф.М. Достоевский в творческом восприятии У. Фолкнера (на материале интервью, бесед, писем) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. ст. V Всероссийской науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: ТПУ, 2005. – С. 76–84.
11. *Банах-Маникина А.В.* Замысел романа «Отец Авраам» как основа типологического сближения романов У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. – Томск: ТПУ, 2006. – С. 225–228.
12. *Банах-Маникина А.В.* Образ «случайного семейства» в восприятии У. Фолкнера (роман «Авессалом, Авессалом!») // Вестн. Том. гос. ун-та: Бюллетень оперативной научной информации (теоретические и прикладные аспекты литературоведения). – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – № 80. – С. 6–16.

Печ. л. 1.
Тираж 100 экз. Заказ № 143.

Тираж отпечатан в типографии
ИОА СО РАН